

Нравственное состояние современного общества в лирической прозе священника Ярослава Шипова.

Вопрос нравственного выбора в жизни человека, иначе говоря – человеческой свободы и ответственности, – относится к числу коренных, определяющих христианское миропонимание от его евангельских истоков до наших дней. Красной нитью на протяжении веков вопрос этот проходит через произведения отечественной словесности. Именно со страниц художественных книг, облекаясь в яркое образное выражение, он проникает в широкие читательские круги, воздействует на общественное сознание. По-разному он решается в свете православного богословия и различных направлений русской религиозно-философской мысли. Решение вопроса о нравственном выборе в свете народообразующей православной веры жизненно важно и необходимо для современного общества.

В художественном творчестве вопросы нравственности заставляют писателей проникать в глубины человеческой души, опираясь прежде всего на личный духовный опыт. Такая установка придает произведениям особый проникновенный лиризм. Особо значим при этом опыт людей духовной жизни – воцерковленных, еще лучше – облеченных священным саном. Сегодня среди огромного потока современной литературы можно отметить формирование такого жанра как *православная лирическая проза*, авторы которой стремятся продолжить лучшие традиции классической, а также древнерусской словесности.

Жанр православной лирической прозы представляет собой синтез автобиографических, биографических, мемуарных и очерковых заметок, отображающих действительность через призму художественного восприятия писателя. Повествование здесь чаще всего ведется от первого лица и отличается выраженностью образа автора, наличием его личных суждений и оценок, но несмотря на это цель произведений заключается не в биографических заметках о жизни писателя или его знакомых, а в философском поиске связи земного мира с небесным. «Содержательной доминантой», объединяющей различные в жанровом и стилевом отношении произведения», становится «тема духовной эволюции личности»: писатели раскрывают «духовную жизнь человека, его внутреннее развитие, формирование системы нравственных координат»¹. Авторы православной лирической прозы «не наставляют <...>, не дают <...> конкретных жизненных рецептов», а «мягко и ненавязчиво», сохраняя

¹ Леонов И. С., Корепанова В. А. Поэтика православной прозы XXI века. М.: Ярославль: Ремдер, 2011. С. 7.

абсолютную свободу выбора читателя, предлагают «оценить окружающую действительность и сделать вывод о ее духовном состоянии»².

Среди современной духовно поучительной художественной литературы особое место занимает творчество священника Ярослава Шипова, члена Союза писателей России. Нравственное состояние современного человека является одним из центральных мотивов во всех его произведениях. В 2012 году отец Ярослав издал очередную книгу «“Райские хутора” и другие рассказы», в которой объединил как новые, так и опубликованные ранее произведения.

Еще в 1976 году в печати появился первый рассказ молодого выпускника литературного института – будущего священника Ярослава Шипова. Страстный охотник, он часто бывал в русской глубинке, где его пронизательному взгляду открылись как красота, так и нестроения деревенского уклада. В этот период автор создал свои первые книги – «Шел третий день» (1984), «Западная окраина» (1986), «Уездный чудотворец» (1990), рассказы которых отличаются глубиной видения человеческой души, наглядной убедительностью природных и бытовых зарисовок.

Рукоположенный с 1991 года в священнический сан, Шипов был направлен восстанавливать сельские приходы в северной глубинке, где и провел следующие несколько лет. С 1995 года его по состоянию здоровья перевели в родную Москву. Здесь отец Ярослав создает новые прозаические произведения, посвященные северному периоду, – «Отказываться не вправе» (2000), «Долгота дней» (2002). В данных книгах автор не только раскрывает внутренние стороны жизни сельского батюшки, но и ненавязчиво делится с читателем многолетним житейским опытом, размышляя о любви как основе всего христианского учения.

В 2010 году издается еще одна книга писателя – «Первая молитва», включившая в себя содержание двух предыдущих сборников и раздел, составленный из ранних произведений, – «Рассказы разных лет». Пронизанные духом глубокого лиризма, грустью и неизменной любовью, данные рассказы органично вошли в «Первую молитву», оттеняя и дополняя разнообразные картины русского быта. Бесхитростные произведения писателя отличаются необыкновенной авторской пронизательностью, затрагивают самые тонкие струны человеческой души. Ничуть не романтизируя действительность, отец Ярослав ясно и вдохновенно рассказывает об обыденных вещах, всегда оставляя луч надежды в сердце читателя.

В 2012 году вышло первое издание следующей книги Шипова «“Райские хутора” и другие рассказы». Здесь помимо опубликованных ранее ста рассказов из «Первой молитвы» появилось еще четырнадцать новых художественных зарисовок. Через свои истории писатель ненавязчиво показывает, что в жизни всегда есть место для любви к Богу и ближнему, Отечеству, родной

² Там же.

природе. Без любви же всё в мире постепенно теряет смысл, увядая и приходя в запустение. Описывая с неизменной теплотой жизнь родной страны, автор остается зорким реалистом, не скрывая всей горечи действительности и не пытаясь ее приукрасить.

Так, в рассказе «Новоселки» речь идет о двух «опустившихся» стариках, жизнь которых с каждым годом становилась все более «безобразною»³ и «мерзостной» [Шипов, с. 507]. После их смерти «одна дрянь вспоминалась, хорошего – ничего» [Шипов, с. 509]. Однако почему-то, размышляет автор, не покидало «теплое чувство к этим прозябшим в мерзости старикам. Что-то к ним притягивало <...> все-таки <...> теплился огонек в этой лампадке: хоть и перепачканной она была» [Шипов, с. 509–511]. И ведь не то важно, продолжает Шипов, что перепачкана, а то, что, несмотря на все невзгоды, огонек в ней не угасал – «это важно и удивительно» [Шипов, с. 511]. «Ни разу не слышал я, – произносит рассказчик, – чтобы вели они между собой человеческие беседы – только ругались, грязно и равнодушно. <...> Но ведь держались они друг друга всю жизнь! И дома своего, и своей земли... Не стало их, и место это обезжизнено» [Шипов, с. 507– 509].

Шипов не пытается обмануть читателя, подтасовывая итоги историй или насыщая повествование искусственной назидательностью. Так, в конце рассказа «Карцер» есть откровенное признание: «Продолжение этой истории мне неизвестно. Хотелось бы, конечно, чтобы все управилось ко благу, <...> но... не знаю и приврать не могу» [Шипов, с. 149]. Однако стремление к правдивости описаний не превращает повествование в сухую документальную хронику. Автор замечает, что, рассказывая «действительную историю», где «все люди реальные, узнаваемые», во избежание осуждения или лести здесь иногда «приходится кое о чем умолчать, а кое-что затуманить» [Шипов, с. 143]. С горечью и болью показывая удручающую нескладность современной жизни народа, писатель стремится избежать влияния «пагубного духа критицизма», стараясь «обличать грех, не осуждая при этом самого человека» [Шипов, с. 143].

Каждый рассказ Шипова наполнен выразительными, эмоционально яркими, глубокими образами, которые не оставляют равнодушным читателя, побуждая задуматься над собственной жизнью и судьбой страны в целом. Повествование изобилует мотивами разрухи, пустых деревень, разоренных санаториев, заброшенных военных баз. Автор не дает конкретных географических названий, подчеркивая тем самым характерность происходящего для всей России. Например, в рассказе «Великая формула», говоря о «достопримечательной», «кромешно своенравной» [Шипов, с. 153] прихожанке у отца Виктора, повествователь отмечает, что «конечно, таковые есть на любом прихо-

³ Шипов Ярослав, священник. «Райские хутора» и другие рассказы. 3-е изд. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2012. С. 506. Далее ссылки на это издание приводятся вслед за выдержками в квадратных скобках с указанием фамилии автора.

де», сводя тем самым речь не к «вздорности» отдельной героини, а к типу человеческого поведения. За незлобивым юмором Ярослава Шипова перед читателем открываются серьезные, отнюдь не смешные вопросы. Так, среди описания различных чудачеств «взбалмошной» Антонины писатель вскользь замечает: «приход у отца Виктора небольшой – сельцо потихоньку вымирает вместе со всем Отечеством» [Шипов, с. 153].

Другой рассказ, посвященный размышлениям об искушениях властью, начинается с небольшой ремарки о профессии главного героя: потомственный вздымщик, он добывал стратегически важное сырье – сосновую смолу – живицу. Повествователь отмечает, что «сейчас эта отрасль, как и многие другие полезные для страны занятия, в полном разорении, а прежде процветала» [Шипов, с. 364]. Шипов показывает, что «власть может принести пользу только <...>, когда властитель воспринимает ее как служение, то есть <...> сплошной долг и безоговорочную ответственность», если же он видит в ней прежде всего права, то это «погибель для него самого и трагедия для подвластных» [Шипов, с. 365]. Далеко не каждый способен вынести такое искушение; простой, хороший работник, став начальником, иногда превращается в злого самодура. Это и происходит с главным героем повествования, получившим в конце концов достойное возмездие за несправедливость к работникам. Уцелев после аварии, он успел принести покаяние. Теперь, получая пенсию по инвалидности, герой любит вести обличительные разговоры о «правителях наших»: «И откуда только такая сволочь берется?..» [Шипов, с. 367]. Этот риторический вопрос-ответ становится эпилогом ко всей истории Шипова.

Рассказы отца Ярослава всегда наполнены чувством любви к Родине, но одновременно содержат и боль писателя за ее современное состояние. Несмотря на это, Шипов не допускает ни единой возможности спасения русского человека вне своего Отечества: «Есть только три главных счастья: быть православным, жить в России и в России умереть» [Шипов, с. 203]. «Пустыня духовная» [Шипов, с. 105], «страна мертвого духа» [Шипов, с. 106] – так отзываются персонажи о жизни вне православных корней.

По мнению многих святых отцов, без любви к Творцу невозможна любовь и к Его творению; не любящий Бога и никого не полюбит. Часто не затрагивая напрямую духовных сфер жизни, создавая пейзажные зарисовки, отец Ярослав доказывает справедливость святоотеческого поучения, раскрывая его через небрежное отношение современного человека к природе. В прошлом причастный к охотничьему промыслу, Шипов отмечает сокращение дичи в лесах, исчезновение многих видов рыбы, процветающее браконьерство и жестокость... В рассказе «Дебаркадер» он помещает печальное размышление: «Детям, пожалуй, еще чего-то перепадет... ну, внукам маленько достанется, а вот правнуки, наверное, рыбы уже не увидят» [Шипов, с. 48].

Рухнувшая вместе с концом советской эпохи экономическая жизнь в совокупности с отсутствием духовного стержня стали причиной беспробудного

пьянства по деревням. «Хороню, хороню, хороню» [Шипов, с. 339], – отзывается о своем основном, «тягостном» занятии поседевший за несколько лет служения сельский священник. В разговоре с приятелем и сам рассказчик признается, что вся его «духовная деятельность свелась к непрерывным похоронам» [Шипов, с. 417–418], а недавно в одной деревеньке пришлось не только отпевать, но и самому копать могилу: «последнего мужика хоронили» [Шипов, с. 418]. За юмористическим описанием различных пьяных выходов соотечественников скрывается глубокая боль и тревога автора о дальнейшей судьбе народа. Откуда взяться в России защитникам, когда по сёлам все больше появляется «дурачков», которых «и за трактор посадить нельзя, не то что доверить оружие»? [Шипов, с. 391] Вспоминая события Великой Отечественной войны, Шипов приводит замечание одного немецкого историка, сказавшего, что «войну эту выиграло последнее поколение крещеных русских людей. Потом крестить перестали, и все последующие баталии заканчивались не столь впечатляюще» [Шипов, с. 109]. Сокрушаясь, что люди в глубинках со страшной силой «мрут», повествователь констатирует опасный изъян духовного порядка: причина столь высокой смертности не только в халатности и пьяных несчастных случаях, часто человека и «отпеть нельзя: сплошь самоубийцы» [Шипов, с. 260]. В столице положение дел ещё более беспросветно: народ уже не «мрет», а «гибнет». «Здесь все неправильно, – сокрушается местный священник. – <...> В иные дни, случается, одних убиенных и хороним» [Шипов, с. 418].

Раскрывая перед читателем образ истинного священнослужителя, отец Ярослав показывает, что путь священника – это постоянное служение, когда интересы ближнего ставятся выше личных, а над всей жизнью, освещая ее и направляя, стоит Христос. «У батюшки жизнь – сплошное дежурство», «как врач скорой помощи», он всегда «должен быть на месте и в полной готовности» [Шипов, с. 246–247], – читаем мы об устройстве приходской жизни в рассказе «Дрова». Исповедь, соборование, крещение, венчание, отпевание, молебные пения – ни от чего священник «отказываться не вправе» [Шипов, с. 293], каким бы усталым он ни был.

По отзывам многих читателей, эмоциональное строение очерков Шипова о его жизни в северной глубинке является близким к булгаковским «Запискам юного врача». Действительно, деятельность священника часто сравнивают с врачебной практикой. Но есть между ними одно важное различие, о чем и рассказывает Шипов в своем интервью. Он замечает, что для эффективной работы с больными доктор должен «не поддаваться эмоциям, чувствам, переживаниям», выстраивая, таким образом, «некую стену между собой и пациентами»⁴. Тогда как священник, напротив, нужен, чтобы разделить с прихожанами их беды, он «и живет, чтобы соболезновать, сострадать, сочувствовать, сопе-

⁴ Искусство как ступень к постижению духовного. Беседа с иереем Ярославом Шиповым.

реживать»⁵. Взять на себя всё чужое горе человеку «не по силам. Вот и призываете помощь Божию...»⁶, – завершает Ярослав Шипов.

Повествование в книге «“Райские хутора” и другие рассказы» разделяется на два типа. Часть книги представлена автобиографическими рассказами от первого лица. Сюжет здесь развивается поступательно, каждый новый рассказ, несмотря на свою самостоятельность и законченность, дополняет предыдущие истории, раскрывая новые события из жизни сельского священника. Во втором случае ситуации разворачиваются объективно, без указания на свидетеля событий. К этому типу рассказов относятся такие сочинения, как «Счет», «Туда и обратно», «Лаврюха обыкновенный», «Шел третий день», «Пеликан». Не связанные единым сюжетом, данные истории объединяются общим настроением грусти. Герои каждого из рассказов вне зависимости от своего возраста и положения являются несчастливыми, их души, не удовлетворенные земной жизнью, стремятся к чему-то большему, неизведанному. Кто-то понимает, что необходимо хотя бы сказать «спасибо» за то, что всю жизнь несчастье «обносило» [Шипов, с. 478], но не знает кому... Кто-то, спасая «смертельно больных» детей [Шипов, с. 434], жертвует жизнью своего ребенка, лишаясь при этом всех видимых утешений на земле... Кто-то так «устал от жизни» [Шипов, с. 487], что считает счастливым утонувшего мальчика, который умер, еще не успев нагрешить... А чья-то жизнь со временем становится настолько одинокой, что единственным другом в ней является птица.

Полная светлой печали философская история дружбы между человеком и пеликаном завершает всю книгу. Герой повествования верит, что спасенный им пеликан не мог его «бросить» не попрощавшись: «Мы – земные, а он – другой, он не мог!» – твердил Николай Николаевич [Шипов, с. 618] – за что и получил просимое по своей вере. Осознавая, что после прощания с пеликаном он останется абсолютно один и «что так будет до конца дней» [Шипов, с. 619], герой не впадает в уныние или отчаяние. Ведя «уравновешенную», «почти бесстрастную» жизнь, Николай Николаевич любил «долго-долго» наблюдать облака, не зная, что это «душа просилась домой – тосковала по своим небесным обителям» [Шипов, с. 619]. Лиричный образ души-странницы, лишь временно удерживаемой телесной оболочкой на земле, становится последним завершающим штрихом в книге священника Ярослава Шипова «“Райские хутора” и другие рассказы»⁷.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ В 2013 году издательством Свято-Троицкой Сергиевой Лавры была выпущена еще одна книга протоиерея Ярослава Шипова «Тоскующие по небесам», в которой автор существенно переработал композиционное расположение произведений. Однако заключительным рассказом в новом сборнике так же остался «Пеликан».